

Пролог

Римская курия получила поразительное сообщение: посланец португальского ордена иезуитов Кростован Феррейра отрекся от веры после пытки «ямой» в Нагасаки. Тридцать три года он прожил в Японии, возглавляя иезуитскую общину, вдохновляя своим примером священников и верующих мирян. Выдающийся богослов, Феррейра сумел в самый разгар гонений на христиан проникнуть в край Камигата, чтобы нести туда Слово Божие. Письма его всегда дышали непоколебимой верой и мужеством. Немыслимо, чтобы такой человек стал отступником, предал Церковь. А потому и в Риме и в Лиссабоне сочли сообщение ложью, гнусным наветом еретиков-голландцев и японцев.

Разумеется, из посланий миссионеров в Риме было известно, как обстоит дело с распространением христианства в Японии. Начиная с 1587 года Хидэёси, верховный правитель Японии, ранее поощрявший христианство, принялся

искоренять веру Христову: в Нагасаки сожгли на костре двадцать шесть мучеников — католических миссионеров и верующих японцев. По всей стране христиан изгоняли из жилищ, пытали, предавали мучительной казни. Гонения продолжил сёгун Токугава¹, в 1614 году издавший указ об изгнании за пределы страны всех христианских священников.

По сообщениям миссионеров, в течение двух дней — шестого и седьмого октября означенного года — в местечко Кибати на острове Кюсю свезли более семидесяти священнослужителей, в том числе японцев, и, силой затолкав их в семь китайских джонок, отплывавших в Макао и Манилу, навсегда выслали из страны. Лил дождь, серое море было беспокойно; джонки покинули бухту и, обогнув мыс, скрылись за горизонтом.

Но, несмотря на указ, тридцать семь миссионеров, не в силах бросить свою паству на произвол судьбы, тайно остались в Японии. В их числе был и Феррейра. В своих донесениях, которые он по-прежнему часто посылал отцам ордена, Феррейра сообщал о новых и новых казнях оставшихся миссионеров. Сохранилось его послание, отправленное из Нагасаки двадцать второго марта 1632 года апостолическому делегаторию

¹ Токугава, Иэясу (годы правления: 1603–1616). Сёгуном назывался военный правитель Японии. — *Здесь и далее прим. ред.*

Андреасу Бармейро. В нем содержится исчерпывающее описание обстановки в Японии в те годы.

«В предыдущем послании к Вашему преосвященству я обрисовал тяжелое положение здешней христианской общины. Теперь пишу Вам о последующих событиях — это новые гонения, притеснения, страдания. Сперва поведаю о судьбе, постигшей Бартоломео Гутьерреса, Франсиско де Хесуса, Виценте де Сан-Антонио (все трое — братья ордена святого Августина), а также Антонио Исиду, брата нашего ордена иезуитов, и Габриэля де Санта-Маддалена, францисканца. Губернатор города Нагасаки, Унэмэ Такэнака, пытался принудить их отречься от веры, дабы надругаться над нашим Святым учением и тем самым подорвать мужество верующих. Однако вскоре он понял, что угрозами невозможно поколебать стойкость святых отцов. Тогда он решил прибегнуть к другому средству — а именно подвергнуть их пытке в кипящем серном источнике на вулкане Ундзэн.

Доставив всех пятерых к вершине Ундзэн, он приказал пытать их до тех пор, пока они не отрекутся от веры Христовой, но ни в коем случае не замучить до смерти. Кроме этих пятерых, пытке подлежали также Беатриса да Коста, жена Антонио да Силва, и ее дочь Мария — за то, что тоже отказались отречься, хотя к этому их принуждали уже долгое время.

Третьего декабря несчастных отправили из Нагасаки к горе Ундзэн. Женщин несли в паланкинах, мужчины ехали верхом. Так распростились они с миром.

По прибытии в гавань Хими, близ Нагасаки, им связали руки, набили на ноги колодки и крепко-накрепко привязали к бортам лодки. К вечеру прибыли в Кохаму — что у самого подножия вулкана Ундзэн, — и на другой же день они поднялись на вершину. Всех семерых заперли в тесной хижине. Днем и ночью они сидели связанные, в колодках; хижину окружала стража. У Такэнаки хватает людей, однако местный правитель тоже прислал охрану, так что с узников не спускали глаз. По всем дорогам, ведущим к Ундзэн, стояла стража, и без особого разрешения, подписанного властями, никто не смог бы туда проникнуть.

Наутро началась пытка. Каждого из семерых обреченных поодиночке подводили к впадине, заполненной вырывающейся из недр кипящей водой, и, указывая на жгучие брызги, уговаривали добровольно отречься от христианской веры, прежде чем крутой кипяток причинит им невыносимые муки. Было холодно, и пар бурлил над поверхностью озера с неистовой силой; если б не Божья помощь, от одного этого зрелища можно было бы лишиться чувств. Но все семеро, укрепившись духом по милости Господа нашего, отвечали, что готовы вытерпеть пытку, но от веры не отрекутся. Услышав столь решительный ответ, чиновники приказали

узникам снять одежды, затем снова связали по рукам и ногам и, зачерпнув черпаком добрые полведра, принялись поливать кипятком жертвы. Причем выливали его не разом: в черпаке были проделаны отверстия, дабы продлить мученья.

Мученики веры мужественно терпели пытку. Только юная Мария упала на землю, не в силах вынести нечеловеческую муку. «Отреклась! Отреклась!» — закричали чиновники, отнесли девушку в хижину и на другой день отправили в Нагасаки. Мария протестовала, твердила, что вовсе не отрекалась, умоляла подвергнуть ее пытке, как мать и прочих узников, но ее не послушали.

Остальных продержали на вершине Ундзэн тридцать три дня. Антонио и Франсиско, а также Беатрису пытали шесть раз, Висенте — четырежды, Бартоломео и Габриэля — дважды; добавлю, что во время пыток никто из них не издал ни единого стога.

Больше других мучили Антонио и Франсиско, а также Беатрису. Ей пришлось особенно тяжело; женщину принуждали отречься, но, несмотря на все угрозы и пытки, она проявила мужество, которое украсило бы любого мужчину, а посему, помимо пытки кипящей водой, ее еще заставляли часами стоять неподвижно на крохотном камушке, под градом угроз и насмешек. Но чем больше свирепствовали чиновники, тем крепче становился ее дух.

Остальные трое были больны и слабы, так что их не терзали слишком жестоко — губернатор до-

бывался не смерти, а отречения. По той же причине власти прислали врача, чтобы лечить их раны.

Наконец Такэнака понял, что никакими пытками узников не сломить, напротив, ему доложили, что скорее иссякнут источники на вершине Ундзэн, чем удастся заставить их отречься от веры, — и губернатор приказал вернуть мучеников в Нагасаки. Пятого января Беатрису да Коста поместили в непотребное заведение, а святых отцов заточили в темницу, где они томятся и по сей день. Жестокий тиран был посрамлен. Так завершилась эта борьба, вселившая мужество в верующие души, и это послужило лишь еще большему распространению в народе нашего Святого учения».

В Риме не допускали и мысли, чтобы Феррейра, приславший такое письмо, мог предать Бога и Церковь и покориться язычникам, как бы жестоки ни были пытки.

* * *

1635 год, Рим. Четверо священников во главе с преподобным Рубино твердо решили достигнуть Японии, чтобы очистить Святую Церковь от позорящих ее слухов об отступничестве Феррейры и продолжить в Японии тайную проповедь христианства. Поначалу этот на первый взгляд безрассудный план не встретил одобрения отцов Церкви. Конечно, подобный

душевный пыл и религиозное рвение внушали симпатию, но Церковь не решалась посылать новых миссионеров в языческую страну, где их подстерегала смертельная опасность. Вместе с тем добрые семена христианства, посеянные некогда Франциском Ксавье¹, дали в этой стране обильные всходы, и невозможно было лишить японских верующих духовных пастырей, это было чревато гибелью веры. Мало того, в те времена отречение падре Феррейры в крошечной и далекой Японии, находившейся на самом краю земли, не было просто предательством отдельного человека — то было бы позорным крушением веры, посрамлением всей Европы. Последнее соображение взяло верх — падре Рубино и его единомышленники получили разрешение отбыть в Японию.

Независимо от них трое молодых португальских священников тоже задумали, хотя и по несколько иным причинам, тайно пробраться в Японию. В прошлом все они были учениками Феррейры, читавшего курс богословия в семинарии при старинном монастыре Кампо-Лидо. Все трое — Франсиско Гаррпе, Жоан де Сан-

¹ Франциск Ксавье (Хавьер, Франсиско: 1506–1552) — испанский иезуит, друг и ученик Игнасио де Лойолы, один из первых миссионеров ордена иезуитов на востоке Азии и в Японии. Занимался миссионерской деятельностью в Латинской Америке. Причислен католической церковью к лику святых.

та-Марта и Себастьян Родригес — готовы были смириться с мыслью, что их наставник Феррейра принял мученическую кончину, но чтобы он, как жалкий пес, пресмыкался перед язычниками — этому они отказывались поверить. Их твердую убежденность разделяло все португальское духовенство. Юноши стремились в Японию, чтобы выяснить истинное положение вещей. В Португалии, так же как и в Италии, отцы Церкви после некоторых сомнений и колебаний все-таки покорились решимости молодых людей и дали согласие на это опасное предприятие. Это было в 1637 году.

Трое друзей стали немедленно готовиться к долгому путешествию. В те времена португальские миссионеры обычно отправлялись на Восток из Лиссабона с караваном судов, плывших в Индию. Проводы каравана были событием, будоражившим весь Лиссабон. Далекая восточная «Зипангу», находившаяся, как казалось раньше, на самом краю света, обретала теперь для них живые краски. Разворачивая карту, они видели далеко за Африкой португальские владения в Индии, еще дальше тянулась россыпь островов и разные азиатские страны. Япония, крохотная, похожая на гусеницу, помещалась на самом восточном краю карты. Чтобы попасть туда, нужно было сперва добраться до Гоа в Индии, со времен Франциска Ксавье служившего для миссионеров воротами на Восток; оттуда еще

предстояло плыть — долгие дни и месяцы — по морям и океанам. В Гоа было две духовные семинарии, где обучались юноши из многих восточных стран, а европейцы-миссионеры получали знания о тех странах, куда им предстояло затем отбыть. Нередко ждать попутного корабля приходилось полгода, а то и год.

Трое путешественников тоже не теряли время, стараясь как можно больше узнать о Японии. К счастью, еще со времен Луиша Фроиша португальские миссионеры регулярно присылали из Японии подробные донесения. Из них следовало, что новый правитель Японии, сёгун Иэмицу¹, преследует христиан с еще большей жестокостью, чем его дед и отец. Особой свирепостью отличается губернатор города Нагасаки, Унэмэ Такэнака: требуя отречения от христианской веры и возвращения к буддизму, он подвергает верующих нечеловеческим истязаниям. Случается, за один день в Нагасаки казнят по семьдесят человек. Достоверность этих сообщений не внушала сомнений, сам Феррейра тоже присылал на родину письма такого же содержания. Во всяком случае, с самого начала следовало быть готовыми к тому, что после долгого и трудного плавания в Японии их ожидают испытания, быть может, еще более тяжкие, чем этот путь.

¹ Токугава, Иэмицу (годы правления: 1623—1651) — третий сёгун из дома Токугава.

Себастьян Родригес родился в 1610 году в небольшом, известном своими рудниками городке Таско и семнадцати лет посвятил себя служению Богу. Жоан де Санта-Марта и Франсиско Гаррпе, оба уроженцы Лиссабона, сблизились с Родригесом в семинарии при монастыре Кампо-Лидо. С самого первого дня они сидели бок о бок на семинарской скамье и хорошо знали учителя Феррейру, читавшего им богословие.

Сейчас Феррейра находился где-то там, в Японии... Изменились ли после пыток его ясные голубые глаза, его лицо, излучавшее сияние доброты? Родригес с друзьями часто задумывались над этим. Но допустить, чтобы это лицо исказила тень унижения, — нет, этого представить себе они не могли. Невозможно было поверить, чтобы их учитель отринул Бога, отрекся от истины... Родригес с товарищами стремились во что бы то ни стало добраться до Японии, чтобы узнать, жив ли падре Феррейра, узнать, какова его участь.

* * *

Двадцать пятого марта 1638 года, под гром пушек крепости Белен, Индийская флотилия покинула устье реки Тежо. Получив благословение епископа Жоана Даско, Родригес с друзьями поднялся на борт флагманского корабля «Санта-Изабелла». Вот уже позади остались желтые

воды устья, корабль заскользил по ярко-синему, озаренному полуденным солнцем морю, а они, опершись о поручни, еще долго смотрели на горы, купавшиеся в солнечном свете. Красноватые стены сельских хижин, церкви... Ветер доносил колокольный звон, провожавший флотилию.

В те времена, чтобы попасть в Вест-Индию, нужно было обогнуть Африку. У западных ее берегов на флотилию обрушился ураган.

Второго апреля прибыли на остров Порту-Санту, затем на Мадейру, шестого апреля — на Канарские острова, после этого при лившем непрерывно дожде начался полный штиль. Течением корабли отнесло назад, к северу.

При полном штиле стояла мучительная жара. На кораблях появилось много больных. Только на «Санта-Изабелле» более сотни больных лежало на палубе и в каютах, стеновая от боли. Родригес и его спутники вместе с матросами ухаживали за больными, помогали делать кровопускание.

Двадцать пятого июля, в день святого Иакова, корабли обогнули мыс Доброй Надежды. В тот день опять налетел сокрушительный ураган. На «Санта-Изабелле» сломалась грот-мачта, с громким треском рухнув на палубу. С трудом удалось убрать паруса, чтоб уберечь их от гибели, для чего пришлось призвать на помощь не только Родригеса с товарищами, но и всех больных.